

КАЛЕНДАРЬ

Это произошло в 1735 году. Молодому, еще мало кому известному драматургу Карло Гольдони один из венецианских театров дал одно деликатное поручение. Театр собирался ставить оперу «Гризельда», музыку к которой писал очень известный в Италии и за ее пределами композитор Антонио Вивальди. Однако следовало переписать тексты арий. Поскольку либретто было в одном экземпляре и находилось у композитора, Гольдони и был к нему послан.

Молодой человек пришел и нашел Вивальди в самом скверном расположении духа: тот мрачно перебирал четки и что-то гневно бормотал под нос. Он и слышать не хотел о том, чтобы отдать либретто — тем более мальчишке!

Раздосадованный Гольдони оторвал кусок от письма, лежащего у него в кармане, и мгновенно накидал новый текст одной из арий.

Вивальди посмотрел, просиял и с криком «Анна! Смотри!» бросился обнимать и целовать юного поэта. Вбежала Анна, местная примадонна — эта ария была из ее партии, — и тоже пришла в восторг.

Так встретились два гения — Антонио Вивальди, уже на закате лет, и Карло Гольдони, только-только восходившее светило мирового театра.

А имя Вивальди было известно всей Европе. Аббат, директор женской консерватории «Пиета», он, по свидетельству современников, основное время проводил отнюдь не в церкви, а в венецианских теат-

«Красный священник» Антонио Вивальди

рах, которые ставили его оперы. Даже написал церковному начальству прошение о том, чтобы его освободили от церковной службы — «по причине постоянного стеснения в груди». Каковое не мешало ему разъезжать по всей Европе и присутствовать на премьерах своих опер.

Их он написал около пятидесяти, а может, и больше — многие произведения до сих пор не найдены, и время от времени на свет божий появляется какое-нибудь некогда неизвестное сочинение итальянского композитора. Потому что Вивальди, по свидетельству современников, сочинял необыкновенно быстро и, как утверждают злые языки, был очень охоч до денег, за оперу брал сто золотых цехинов, сам лично следил, чтобы не делали лишних копий и не продали бы их без его ведома.

Вивальди любил сочинять концерты, в чем и преуспел особенно. Известно, что, кроме опер, он сочинил 14 симфоний, 90 сонат и 478 концертов. Говорил, что в состоянии написать новый концерт за то время, которое требуется, чтобы переписать его.

И этот удивительный человек находил время для того, чтобы лично заниматься музыкой с воспитанниками своей консерватории, создал прекрасный хор. Сам лично ездил по европейским столицам и следил за тем, как ставят его оперы. Сам продавал свои сочинения. Приехав к одному немцу, продал ему четыре концерта и тотчас же потребовал начать репетиции, чтобы показать, как надо исполнять его музыку. Другому музыканту, англичанину, рассказывал, что лично следит за европейским музыкальным рынком, за тем, чтобы не перенасытить его своими концертами, и вовремя придерживает публикацию новых.

Кто знает, не из зависти ли распускались все эти слухи! Ведь Вивальди был одним из самых любимых, самых чтимых композиторов своего времени. Но как часто бывает, с течением лет, когда «красный священник» — так его звали за огненно-рыжий цвет волос — стал стареть, его быстро забыли. Последние годы прожил в Вене в бедности, снимал комнатку у какой-то вдовы, здесь и умер. Был похоронен на скромном больничном кладбище. И здание больницы, и кладбище до наших дней не дожили. И теперь, когда все любители прекрасной музыки гениального итальянца отмечают двести пятьдесят лет со дня его смерти, они не могут даже цветком на его могилу положить — могилы у Вивальди нет.

Сонаты, оперы, концерты Вивальди долго пылились в библиотеках. И вышли оттуда благодаря Иоганну Себастьяну Баху. Его обворожил и пленил «итальянский звук» — он лично переписал и значительно обогатил несколько концертов Вивальди. В наше же время первое и довольно обширное издание сочинений итальянца появилось в 1927 году. А в 1939 году в итальянском городе Сиена состоялся первый фестиваль музыки Вивальди. С тех пор интерес к этому композитору идет по нарастающей — как и к поискам еще неизвестных нам произведений, которые, как считают, наверняка ждут своего часа в пыльных хранилищах европейских библиотек.

Марина АРКАДЬЕВА.